

#LOVEACTUALLY_МАРАФОН

ЛЮБОВЬ КАК ОНА ЕСТЬ

СБОРНИК РАССКАЗОВ И СТИХОВ

ТАК ГОВОРIT О ЛЮБВИ INSTAGRAM

Екатерина Бордон

**Любовь как она есть.
Сборник рассказов и стихов**

«Издательские решения»

Бордон Е.

Любовь как она есть. Сборник рассказов и стихов / Е. Бордон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963073-5

Что будет, если дать вам задание написать о любви от лица необычного персонажа? Какую историю вы создадите и какие чувства в ней выразите? Более 300 участников писательского марафона «Любовь как она есть» решились на этот эксперимент и создали свою творческую вселенную. В сборник попали лучшие рассказы и стихи, отобранные организаторами и жюри марафона. Еще больше историй можно найти в Instagram по хештегу #loveactually_марафон.

ISBN 978-5-44-963073-5

© Бордон Е.
© Издательские решения

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
ЗАДАНИЕ 1. ПЕРВОПРОХОДЕЦ НА МАРСЕ	7
Я любил ее во всех мирах	7
Исповедь Венеры (или как все было на самом деле)	10
Любовь через объектив	12
Марс-13	13
Ответственное задание	16
Комета и Марс	17
WN 1359	18
Первооткрывательница Марса	20
Любовь – не картошка	21
Лав стори Марс	22
Одиночество – жажда	23
Самый на Марсе	24
Воспоминания	25
Три желудя для Маргариты	28
ЗАДАНИЕ 2. ОВОЩ ИЛИ ФРУКТ	29
Монолог авокадо	29
Рай внутри тебя	31
Предел	34
Репа	35
Танго бесконечности	36
Волшебное яблочко	37
Земляничное лето	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Любовь как она есть

Сборник рассказов и стихов

Редактор Екатерина Бордон

Редактор Татьяна Форест

ISBN 978-5-4496-3073-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТУПЛЕНИЕ

Вы держите в руках не просто книгу. Это 248 страниц живых историй о любви – такой, какая она есть.

С 14 по 30 января в социальной сети Instagram проходил литературный марафон «Любовь как она есть». Более 300 участников получили от организаторов пять заданий – пять персонажей, от лица которых нужно было написать о любви.

Первопроходец на Марсе

Овощ или Фрукт

Явление природы

Смерть

Вы (то есть, сам участник)

Результатом этого марафона стали 1565 историй: коротких и длинных, в стихах и прозе, смешных и грустных... Настоящих! Выбрать из них победителей было очень сложно, и все-таки лучших из лучших мы собрали в сборник, который вы держите в руках. Он получился многогранным и искренним: не всякая история заканчивалась хэппи-эндом. Но каждая история раскрывала новую грань любви.

Мы благодарим всех участников марафона. За честность. Готовность идти туда, где сложно. Талант. Поддержку. Любовь. И самые теплые слова благодарности направляем судьям марафона: Мире @books_of_mira, Майе @malinovyj_olen, Наталье @natalia.litviakova и Юлии @juulymart. Спасибо! Благодаря вам этот марафон и этот сборник получились такими, какие они есть.

С любовью и искренним восхищением, организаторы марафона «Любовь как она есть» Катя @yes_im_writer и Таня @tell_me_forest

ЗАДАНИЕ 1. ПЕРВОПРОХОДЕЦ НА МАРСЕ

Я любил ее во всех мирах

Никто не мог понять причину. Они просто теряли сознание и больше не приходили в себя. Погружались в кому. Обследования не выявляли какие-либо нарушения систем жизнеобеспечения организма. Здоровые, крепкие, один за другим наши ребята закрывали глаза и засыпали.

Эндрю заснул первым. С куском поливитаминного крекера во рту. Просто рухнул лицом вниз на шахматную доску. Затем Джилл. Она осматривала защитную сферу, проверяла нет ли повреждений, сколов, отслоек, из-за которых Центр растеряет заветный кислород. Её втащили через верхний клапан, спящую в скафандре. Алекс и Мишель отключились одновременно. Не встали с коек в своём отсеке. Сперва решили, что перебрали на вечеринке в честь первого года колонизации Марса, но они не явились, ни к обеду, ни к ужину. Так и остались лежать, прижавшись друг к другу. Врачи не сумели расцепить скованные руки.

Врачи вообще недоумевали. Они проводили обследование за обследованием. Аппараты все как один диагностировали сон. Медленную стадию. Ещё большее недоумение вызывали улыбки на лицах каждого уснувшего. Паркер, Даниэла, Филлипс, Джеймс, список пополняли всё новые имена. Из пятидесяти первых колонистов к концу первого года бодрствовали тридцать пять. В том числе и я.

Моя активность казалась беспредельной. Меня, ведущего специалиста по рециклингу, направили в Центр Распределения Колонистов, чтобы я с самых первых шагов человека по Красной планете помог избежать экологического коллапса, потрясшего Землю. Решению экологических проблем первопроходцы предавали большое значение, ведь это ключ к устойчивому развитию зарождающейся цивилизации. Поэтому я таскался вместе с инженерами и проектировщиками умной среды от Центра к строящемуся Первому Приюту – городу, что должен принять основной поток переселенцев ровно через три года. Меня мало занимали проблемы со здоровьем остальных, я смотрел вперёд, на возвышающиеся купола огромных сфер. Умные роботы возводили белоснежные здания, прозрачные переходы, устанавливали зеленые насаждения пальм или берёз в зависимости от сектора расселения. Именно там я впервые услышал её.

Вкрадчивый нежный голос, внезапно разогнавший шуршание связи в наушнике.

– Тони, – скорее выдох, чем имя.

Удивление, отрицание, принятие. Вместе мы прошли все стадии. Она сопровождала меня, неотступно, не теряя веры. Я кричал, рвал волосы, проклиная «эффект третьей четверти», что развивается у половины астронавтов и колонистов, вынужденных находиться в замкнутом пространстве при однообразии суток более, чем 520 дней. Меня не могла добить цикличность. Мой разум справится с этим, доказывал я себе. А голос не стихал.

Как быстро я свыкся с ней? Когда начал отвечать на её вопросы, делиться умозаключениями? В какой именно момент решил не обращаться в медчасть? К тому времени там уже дремали с застывшими улыбками Эндрю, Джилл, Алекс, Мишель, Паркер, Даниэла... К черту их всех! Со мной происходило нечто невероятное.

– Тони, этот мир сделает тебя счастливым! – шептала она ночами, когда я почти видел её, тянулся дрожащими пальцами к призрачному силуэту.

Она ласкала меня своим голосом, от невозможной близости у меня краснели уши. Она признавалась мне в любви, я отвечал взаимностью. Это было легко. Привычно. Правильно.

Я так долго тосковал, изменил свою жизнь, открыл новые дороги в новом мире. Сделал всё, чтобы отпустить. А, оказалось, сделал всё, чтобы встретить.

Мои сны окрасились её присутствием. Мы были вместе, тянули друг к другу руки.

Я упивался ароматом волос, считал веснушки на лице. Во снах она обретала реальность. Красные сухие пейзажи Марса манили мягкостью её форм, смуглым цветом её кожи. Я фокусировался на собеседниках, но видел её, в их речи различал только её слова.

Ненавязчивыми советами направляла мои разработки и расчеты на верный путь. Подсказывала нюансы марсианских ландшафтов, притяжения, возможности использования глубоких каньонов древних рек, вулканический потенциал Олимпа. Под её чутким руководством я перестал быть специалистом по рециклингу, я становился специалистом по Марсу. Я на всех смотрел свысока. Глаза мои сверкали, сон пропал. Мне теперь не зачем было спать, чтобы видеть её. – Куда ты смотришь? – спросил меня кто-то, одетый в скафандр. – Эй, Тони! Очнись! Толчок в плечо. Грубо врываться в нашу с ней связь. Планы, развитие, расширение – масштаб наших с ней возможностей грандиозен.

Куда им понять?

Врачи. Они преследовали меня. С планшетами, со сканерами.

– Стервятники, – она права.

На Земле, которую я оставил далеко позади, подобные стервятники уже отнимали её у меня. Так было. Второго раза не будет.

– Они разлучат нас, Тони!

Я с ними не останусь. Уйду в Первый Приют. Он ещё не достроен, не запущен регулятор атмосферы, но разве это может остановить нас.

– Может, – говорю я ей, – я не смогу там дышать.

В глубине воспалённого мозга бьется здравый смысл. Только ему не хватает силы докричаться, её голос заполнил всего меня.

– Тони, я знаю лучший путь.

Я пил утренний кофе, обдумывая бегство из давящих стен Центра. Здесь люди сходят с ума, скоро в медчасти не останется пустых коек. Я должен вырваться из оков. И быть с ней. Прикосновение её голоса пьянило меня.

– Просто закрой глаза...

Аманда умерла два года назад. На затхлой, отросшей мусорными свалками Земле.

Она так и не смогла увидеть восход Фобоса и Деймоса над Марсом. Несправедливо, именно она столько раз представляла, как мы гуляем под взглядом прищуренных лун Первого приюта. Я исполнил её желание и увидел их. Пустыннее Марс ещё никогда не был...

И вот она шепчет мне «Тони» среди белых стен нового города. Её убили врачи. Стервятники, слишком поздно обнаружившие опухоль. Слишком поздно для спасительной инъекции. Она ушла от меня. Она вернулась ко мне. Сначала голос, затем облик во снах.

Я закрыл глаза? Конечно, закрыл. В этом мире меня ничего не держало. Мы шли среди золота пшеницы, взявшись за руки. Вокруг нас встречались, обнимались, целовались люди. Эндрю со своим отцом, оставшимся на Земле. Джилл с мужем, который бросил её перед отлетом. Алекс и Мишель со своей дочерью, она так и не родилась. Они все были здесь, прогуливались по ровным, золотым полям Марса. С синего неба за ними подглядывали Фобос и Деймос. Но мне вновь было не до них. Я не отрывал взгляда от Аманды. И улыбка играла на моем лице. Я любил её во всех мирах.

Энтони Симмонс был найден в личном отсеке. Он лежал на полу, в луже разлитого кофе. Поступил в медчасть в состоянии комы в дежурство Стивена Пейсона. В этот же день Стивен

услышал знакомый голос. Его сын Питер звал его. Питер, которого отняла его стерва-жена, не пустила в новое будущее.

Из отчета спасательной миссии:

«В ходе исследований тел пятой по счёту колонизационной группы, членов которой постигла участь предыдущих четырёх экспедиций, была выявлена причина кататонического состояния всех двухсот пятидесяти человек. В крови исследуемых найден микроорганизм, выделяющий особый нейротоксин. По предварительным данным он вызывает продолжительные галлюцинации, кому. Токсин к тому же повышает выработку серотонина. Дальнейшие исследования целесообразно проводить на Земле. На Марсе они более невозможны, в виду выявления подобных микроорганизмов у членов спасательной миссии. Срочно вылетаем на Землю. Обеспечить полный карантин по прибытию. На Марсе есть жизнь. Она враждебна по отношению к человеку. Колонизацию отложить».

Алиса Аве
@alisaave

Исповедь Венеры (или как все было на самом деле)

– Скажи, бабуля, ведь не даром
Ты говорила, что пожаром
Любви безумной Марс горел,
Остынуть так и не сумел?

#

– Мужчины были в наше время!
Не то, что нынешнее племя.
Марс! Он ведь из военных был.
Какая стать, осанка, пыл!
Огнём войны горели очи.
Он воевал с утра до ночи,
В боях топил врагов в крови,
Совсем не грезил о любви.
Но лишь меня заметил он,
Без боя тут же был сражён.

#

– А ты его любила сильно?

#

– Да... Мне казалось, до могильной
Плиты дойдёт моя любовь,
Коль не увижу его вновь.
В любви не опытный, но страстный,
Горячий, пылкий, нежный, властный,
Огнём сжигающий до тла.
О, как я счастлива была!

#

– И получается, при этом
Он звался также, как планета?

#

– Планету Марсом в честь него
Потом назвали.

#

– Ого-го!

Я любопытствую сверх меры...
А ту, другую...?

#

– Да, Венерой

Её назвали в мою честь.
Эх, внученька, всё так и есть.
По воле рока дерзновенной
Мы одиноки во вселенной,
У каждого своя орбита.
И вдребезги сердца разбиты...

Вера Полонская
@verapolonskaya

Любовь через объектив

Вот уже 45 лет прошло. Летит нещадно пятый десяток. Артрит крутит левой рукой. Заставляет указательный палец изгибаться в причудливую фигуру.

Это не мешает.

Не отвлекает.

Нет.

– Я не чувствую боли, значит её нет! – кричит одержимый в сердцах. Гулкое эхо вторит: «Чувствую! Чувствую! Чувствую...»

Мужчина дотрагивается до холодного металла с такой нежностью, с какой не ласкал ни одну женщину Земли. Его объятия так крепки, а желание столь необузданно, что порывы стать единым целым с этим куском железа становятся непреодолимы.

Сегодня именно тот день, когда должно свершиться самое главное!

Глаза блестят, в них черти красные устроили пожар!

Сердце стучит, как у мальчишки, который впервые целуется.

Дыхание учащается настолько, что его губы пересыхают. Облизав потрескавшуюся плоть, он обхватывает полуметровое творение своих рук и жадно припадает к трубе.

Правый глаз буквально врежется в окуляр. Ещё мгновение и вот...

Вот то, ради чего он здесь.

МАААРС!

Ржаво-красный любовник, укравший у Земли ни одного, и даже не двух учёных.

Марс, сводящий с ума и заставляющий из раза в раз ждать, когда это красная планета вступит в оппозицию к солнцу. Чтобы вновь сливаться воедино с подозрительной трубой. Поддаваясь экстазу, чувствовать, как вскипает кровь и бежит по венам к сердцу, которое стучит как у мальчишки...

Впервые целующегося в губы.

#

Идёт 1610 год. Галилео Галилей первым наблюдает Марс в телескоп.

И это любовь!

Любовь с первого взгляда в объектив.

Александра Азизова

@shuranutaya

Марс-13

Скорость сумасшедшая. Лечу.

Закрыла глаза. Страшно.

Рывок – раскрылся тормозной парашют. Неужели закончилось?

Открыла глаза – где я? Нужно понять, что это за планета и куда меня занесло. Все же метеоритный дождь – это не шутки. И техника сильно сбоит под магнитными полями инородного металла. Особенно – настройка гиперпространственных прыжков. И теоретически я могу оказаться где угодно, в любой части галактики... Остается только молиться, чтобы эта планета была пригодна для жизни. Потому что найдут меня не скоро, если вообще будут искать...

Навигация запустилась, хоть тут техника не подвела. Итак – Марс-13, необитаемая, условно-пригодная для жизни планета: воздух содержит примеси, вызывающие медленное отравление. Два-три дня, и я просто умру. Если не приму антидот, которого точно нет в аптечке моей спасательной капсулы... Надеюсь, все же меня успеют найти.

А планета красивая. Впереди возвышаются горы – черные из-за примеси обсидиана. И почва здесь тоже черная, потому что этот минерал практически везде. А вот растительность красная и фиолетовая – это из-за особенностей воздуха. А точнее – тех самых примесей, что медленно отравляют мой организм... Но красиво. И необычно. Завораживает. Распаковала аптечку и сухпак. Все же здорово укомплектован наш имперский флот – даже в таких мини-капсулах имеется аптечка, запас питания на неделю, скафандр и маячок. Живи – не хочу. Жаль, не мой случай.

А ведь эта экспедиция с самого начала меня смущала. Исследование новых планет – сомнительная цель. А уж этот неповоротливый корабль, что выделило управление – совсем не чета нашему «Стремительному», на котором отслужила без малого 8 лет. Да и маршрут выбран опасный, это было понятно сразу. А лететь предстояло долго. В общем, сомнительное удовольствие, на мой взгляд. Но Рей согласился, и все было решено. С капитаном не поспоришь.

Рей... Мы знакомы с ним... Сколько? Лет двенадцать точно. Как только я курсантом поступила в Имперский Космический Университет, где он учился на выпускном курсе. Мы часто были на практике вместе с летчиками, где и познакомились. Так и сработались – он пилот, я – штурман.

Прокладывать легкие пути – моя работа.

Прошли годы... Теперь я – старпом. А Рей – мой капитан. Сколько мы отслужили бок о бок... И вот теперь я осталась она, на необитаемой планете... Увижусь ли еще с ним?

Солнце садится. Красиво. Горы стали бордовыми, как будто обагрились кровью... Зловещее великолепие.

Утро встретило тишиной и легким головокружением. Похоже, я сильно преувеличила свои силы и три дня мне тут не протянуть. Легкий завтрак слегка смирил с неизбежностью, и я отправилась бродить по окрестностям. Просто, чтоб не сидеть.

Как же прекрасно жить! И почему я раньше вот так не гуляла? А в детстве мы с сестрой часто убегали из дома, чтобы просто побегать в лесу. И мне это нравилось. Я люблю природу. Так почему я променяла все это на космос, с его пустотой и вечной ночью?

А дома мама. И племянники. Сколько им уже? 7? 8? Не помню, надо же. Давно не была дома, года три точно. Как отправились с Реем в Каргос, сопровождать дипмиссию, так и не была. Все задания, приказы, поручения... Я люблю свою работу. Мне нравится летать. Нравится помогать людям. Быть в команде. В команде Рея... Хотя наши ребята часто летали

домой, хоть на недельку-другую. Вырывались, а потом возвращались счастливые. А я не летала. Потому что Рей не летал, а я всегда была с ним. Куда ж капитану без штурмана?

Как там мама, интересно? Скучает? И будет ли плакать, когда ей скажут, что я пропала в этой экспедиции? Конечно, будет, что за глупости. Все же она меня любит. Да и я ее люблю. И сестру с племянниками. И наш старый дом. Хорошо, что отец не застал момент моего провала... Он всегда говорил, что меня служба до добра не доведет. И мечтал увидеть внуков. Внуков увидел – сестренка постаралась, хоть и младшая. А я вот не успела... Да и не хотела особо, не до того было.

А вблизи горы еще прекраснее. Вон там впереди есть отличный уступ – на нем можно расположиться и смотреть на закат. Они здесь красивые. Наверно, последний закат в моей жизни. И камень теплый. Жаль, вина в сухпак не включают. Оно бы не помешало. Голова кружится. Но до уступа доберусь. И буду смотреть на закат.

А вид сверху и правда восхитителен! Отсюда все кажется лучше, чем есть. Идеальнее. Не видны трещины камня и сломанные деревья в лесу. Все гладко, ровно, красиво. Как моя жизнь. Издалека я вполне успешна – служу в космическом флоте 12 лет. На хорошем счету и в высоком звании. Молодая, амбициозная, перспективная. Мне пророчили блестящую карьеру и свой корабль. Но зачем он мне? Корабль мне не нужен, если там не будет Рея. Пожалуй, пора признаться хотя бы самой себе, что я не просто так не летаю домой. Что мне там делать, когда сердце – тут на корабле. Когда я успела в него влюбиться? В Университете, когда впервые работала в его группе? Или в

Академии, когда смотрела на проходящих мимо студентов и восхищалась их отвагой? А может еще раньше, в школе – когда с отцом ходили на экскурсию в Управление полетами и там увидела серьезного мальчишку, который заявил, что будет капитаном? А я загорелась идеей поступать в Летную Академию... Теперь уже и не вспомнить...

Жизнь прожита, и я ни о чем не жалею. Она была яркой и интересной. И я не опозорила честь семьи и память отца – отличного пилота, капитана корабля...

Хотя если быть честной – жалею, что так и не решилась... Не попыталась хотя бы поговорить с Реем о своих чувствах. Потому что трусиха? Возможно. Смело ринувшись спасать членов экспедиции, запаковывая их в спасательные шлюпки, я не боялась. Не за себя. И теперь не боюсь смерти. А вот рассказать обо всем Рею – боюсь. Вот такая нелепая женская натура... Наверно, прав был папа – нечего делать девчонке в космосе...

Голова кружится все сильнее. И в глазах двоится. А в ушах какой-то шум. И вспышки. Или это мне не кажется и сюда правда летит корабль? Нет, наверно мое отравленное сознание решило пошутить напоследок. Откуда корабль на Марсе-13?

А вот и закат. И снова этот багрянец, что сводит с ума... И сама я, кажется, растворяюсь в этой красоте. И мир в душе. И только Рея не хватает, чтобы быть счастливой. Я улыбаюсь и закрываю глаза, представляя его. Вот он смотрит на меня строго: – Мира, ты снова сидишь тут? Почему не идешь в каюту? Уже ночь.

– А ты почему не идешь? – усмехаюсь я в ответ. – Или капитанам не нужно спать?

Он улыбается в ответ и садится рядом. Мы сидим и болтаем обо всем, а перед нами – бескрайний космос...

Я сижу на скале проклятой планеты и чувствую себя счастливой. Образ Рея так реален, что я, кажется, слышу его голос. Он зовет меня, настойчиво и как-то отчаянно... Словно от меня зависит все в этом мире. И если не отзовусь, то и мира не станет...

– Мира! Мира! Да очнись же ты! Ты не можешь умереть, слышишь! Не сейчас, когда я тебя нашел! Не у меня на руках! Я же никогда себе этого не прощу! Мира, ну давай, девочка, давай! Открывай глаза! Мира, ты нужна мне... Мира...

Я слышу его голос, и чувствую его аромат совсем рядом... Слышу, как бьется его сердце под моей щекой. Его руки сжимают меня так крепко, что я не могу пошевелиться. Да и не хочу. Он здесь... Он рядом... И я ему нужна... Что может быть лучше в этом мире?

Открываю глаза и вижу Рея. Он смотрит на меня с надеждой. И складки на лбу становятся чуть меньше, а руки перестают судорожно сжимать мои плечи.

– Ты жива! Мира, какое счастье, что ты жива! Я думал, что опоздал... Мира, ты простишь меня?

– За что?

Я не понимаю, за что он извиняется. Ведь он приехал, и, кажется, спас меня. Рядом валяется шприц – значит противоядие подействовало, и я буду жить.

– За то, что отпустил одну! За то, что ты почти не умерла!

– Ну не умерла же...

– Мира, ты не представляешь, что я пережил, когда засекли твой маячок – Марс-13, медленная смерть за несколько суток... Я думал с ума сойду. Я прилетел, как только удалось раздобыть корабль! Мира, я так боялся опоздать...

Он снова прижал меня к себе, и его объятия были далеки от нежных. Но я понимала, что так уходит его тревога. И лишь сжала его руки на своих плечах. Он обнял мое лицо ладонями и долго смотрел, как бы изучая заново и запоминая каждую черту. А затем поцеловал. Это был безумный поцелуй. Властный, безудержный, немного болезненный. Наш первый поцелуй.

И будет второй, и третий... А домой я обязательно слетаю. Мы слетаем. Вместе.

Потому что не может капитан без своего штурмана.

Елена Першина

@lena_first_book

Ответственное задание

«Потому что гладиолус!», – вот откуда я это знаю??

И зачем мне это знание? Что за люди?? Наградили искусственным интеллектом, а мое дело – ползать по кратерам, лампочкой мигать и посылать сигнал на Землю... Это и банка с консервами может, а я: робот-первопроходец. На Марсе, на минуточку!

Фотографировать научили, а селфи не сделать!

А я красив!!! Над моим внешним дизайном женщина работала – умничка просто! Домой меня брала, чтобы я ее собаку пугал... Собака меня боялась... Забивалась под диван, и застревала там. А один раз я носок на гусеницу намотал... Ох, и ругалась она! Женщина, не собака. Но забавно так: тут уж мне смешно было.

Потом она изобрела робот-пылесос. Говорят, изобретение произвело фурор! А все я! Ну, и носок...

Так! Ещё один кратер! Больно большой – я там не застряну? По этой планете бегать невесело, а уж застрять на одном месте – вообще скука смертная!

О чем это я? А, точно: Земля, Пип! Вот зачем меня было начинать интеллект, если я могу сказать только Пип!??

Для чего мне весь этот ваш интеллект, если я блог вести не могу? Я мог бы быть звездой Инстаграм, у меня и чувство юмора есть: меня интеллекту трое учили, и так ругались!

– Я удалю тебя из друзей!!!

– Ты меня добавь туда сначала!

– Девочки, не ссорьтесь! Кстати, корпоратив скоро! Давайте у меня соберёмся? Подготовимся, марафет наведём, накатим слегка...?

– То есть на корпоратив придем ...того... Подготовленными??

Весело было. А теперь я спую по красной планете, ищу признаки воды, воздуха и жизни. А мне бы носок... И пусть Она со мной опять всю ночь возится, пусть ругает, смеется, поет... Поет она фальшиво, но от души! Я все время вспоминаю, как она погладила меня по боку и шепнула: если увидишь надпись «Здесь был Вася» или просто захочешь домой, пошли пять коротких сигналов! Я буду ждать!

Надпись я ищу старательно, но безрезультатно. Фотографирую все, анализирую – ну, мозг есть, хоть и искусственный, есть чем!

Сколько там времени? Земля, Пип!!! И очень хочется уже подать эти пять сигналов, чтобы увидеться с ней, но – я хочу ее порадовать. Буду и дальше искать эту грешную надпись. Не зажегшаяся звезда Инстаграма. Ваш Марсоход.

Татьяна Беспалова

@tataonline

Комета и Марс

Однажды, летая над красной планетой,
Вздыхала печально малютка – комета:
«Я так одинока! Мучительно грустно,
Что в сердце моем отчего-то так пусто».
Вздохнула, смахнула печально слезу,
Взглянув мимоходом: «А что там внизу?»
Глубокие кратеры, красная пыль,
Неведом планете полуденный штиль.
Могучее тело, широкая грудь,
И хочет комета к гиганту прильнуть.
Вильнула хвостом, совершив поворот,
Поверхности красной коснётся вот-вот.
Никак не унять ей душевный порыв,
Раздался большой оглушительный взрыв...
Тогда без излишних сомнений и фарса
Вдруг жизнь родилась на поверхности Марса.

Ольга Володина
@olenka_volodina

WN 1359

– Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе видна... – тихонечко напевал ТНН 2002.

– Тихон, ты опять за свое? – рассердился Сан Саныч (он же – SS 313). – Мы еще никуда не летим.

– И не полетите, – добавил я. – Вы только в кружке Петри и можете развиваться, неудачники!

Ишь, чего захотели?! На Марс они собрались! Зря нас что ли тестировали на выживаемость в инопланетной среде? Сидели мы на глубине 20 метров на правом берегу реки Колыма на полуострове Таймыр, пока нас не выкопали исследователи. Затем нас дружно поместили в искусственно воссозданную марсианскую атмосферу. А на Марсе, скажу вам, жизнь – не сахар. Кислорода почти нет, весьма прохладно (местами до – 153) да и давление в 144 раза ниже земного. Не удивительно, что далеко не все одноклеточные «сибиряки» выдержали такое испытание. Из 10 тысяч штаммов бактерий выжить смогли только шесть. Лучше всего в ходе эксперимента чувствовал себя я – WN 1359. Для друзей просто – Ваня. Поэтому и дураку понятно, что полечу я. А эта пятерка микробов не способна нормально переносить заморозку и низкое давление, а всё туда же лезет – колонизировать Марс.

– Открытие земных бактерий, которые могут жить в условиях низкой температуры, давления и недостатка кислорода, дает новую пищу для размышлений астробиологам в деле поиска внеземной жизни, – процитировал Бублик 2 последние новости. – Похоже, что вечная мерзлота является многообещающим источником микробов, способных выжить на Марсе и других экзопланетах.

– Вот это память! – восхитился Бублик 3.

Вообще-то их звали BBL 742 и BBL 743. Но мы переименовали их в Бублик 2 и Бублик 3. Бублика под номером один у нас не было. Зато был Ромашка. Самая несуразная бактерия, которую я когда-либо видел. Ромашка был похож на кукурузную палочку, которая закатилась под холодильник и собрала там всю пыль.

– Как же мы на Марсе-то без кислорода будем? – испуганно спросил Ромашка.

– Отставить панику, – строго сказал Сан Саныч. – Ты анаэробная бактерия, тебе не нужен кислород.

– Быстрее бы увидеть Джулию, – вздохнул я, глядя на этих недоумков.

Джулию, а точнее JLI-1, достали из льдов озера Эйс в Антарктиде. Сотрудник Центра космических полетов имени Маршалла из NASA её «воскресил» от долгого сна. Заморожена она была на протяжении 30 тысяч лет. И вот Джулию доставили к нам напрямую из Алабамы.

– Вот будет твоя Джулия страшной, – подленько захихикал Бублик 3. – А тебе с ней полгода до Марса лететь.

– Не полгода, а 115 дней, – меланхолично поправил Бублик 2.

– Красота – понятие растяжимое, – возразил я. – Главное, чтобы было, о чем поговорить. С вами же посидишь пару дней и обратно в вечную мерзлоту хочется, лишь бы вас не слышать.

На самом деле я очень боялся, что Джулия будет хм... не особо приятной на внешность. Но я не был намерен показывать им свои опасения.

Ну вот, наконец, входная дверь хлопнула и в лаборатории появился доктор в белом халате. К нам несли пробирку с Джулией. Бублик 3 ошибся. Джулия была красавицей – изящный жгутик, пушистые фимбрии, загляденье просто. Мы радостно прильнули к стенке своей пробирки.

– А чего она не шевелится? – резонно поинтересовался Тихон.

– Дохлая, что ли? – спросил Ромашка.

– Тьфу ты, дурак! – разозлился я. – Спит, наверное.
– А чего это она за тридцать тысяч лет не выпалась? – озадачился Бублик 3.
– Джулия, – тихонько позвал я.
Та лишь почесала жгутиком фимбрии и перевернулась на другой бок.
– Вот тебе и напарник для покорения Марса, – печально отозвался Сан Саныч.
И вот дядька в белом халате достает меня из пробирки и переносит к этой «спящей красавице».
– Пока, Ваня! – кричат мне покинутые друзья. – Ты пиши нам!
И вот я уже не слышу их. Нас с Джулией уносят.

1 ДЕНЬ В ПУТИ

Наконец-то долгожданная тишина. Никаких дурацких песен Тихона, нравоучений Сан Саныча и телерадиовещаний от Бублика 2. Только я и космос.
Ну и эта еще, храпит. Бестолочь...

49 ДЕНЬ В ПУТИ

– Джулия, проснись!
– Ммм, – промычала мне в ответ напарница, не просыпаясь.
Мне скучно. Я выкладываю из её фимбрий слова «Джулия – дура».

81 ДЕНЬ В ПУТИ

– Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе видна... – пою я.
Не видна мне Земля и иллюминатора у меня нет. Хочу обратно на Колыму!

102 ДЕНЬ В ПУТИ

Никто мне не нужен. Сам всё сделаю. Обо мне еще в книгах писать будут...
Как же я по вам скучаю, микробчики мои! Как же я без вас справлюсь?

115 ДЕНЬ В ПУТИ

Мы прилетели. Роборука достает нас из марсохода. Пробирка открывается. И вот я на Марсе! Один-одинешенек. Без друзей. Только бескрайние красные пески.
Что это? Что еще достает роборука? Откуда вторая пробирка?
– Не может быть... – изумленно бормочу я.
– Ваня! Ваня! Привет! Мы ехали в другом отсеке! Представляешь? Нас тоже взяли! Ну что? Вперед, колонизировать Марс?
– Тихон! Сан Саныч! Бублики! Ромашка! Любименькие мои! Счастье-то какое! Вы не представляете, как я рад вас видеть!

Анна Лазарева
@writer_anna_lazareva

Первооткрывательница Марса

Она его открыла среди царств
Вселенной, средь блуждающих планет.
Он творческий, как истинный поэт,
Воинственный и яркий, словом – Марс!
Знакомство их как бурная река,
Быстрей и глубже, смесь страстей и дел.
И плоть его уже в её руках,
И оба тают от касаний тел.
И губ её пылающих огни,
Игривый, нежный, страстный язычок.
Одежда прочь, – сливаются они!
Она кусает с криком: «ДА! Ещё!!!».
Он входит карамелью – так тягуч,
Пульсирует, играет искусно.
Он в темном царстве – удовольствий луч.
Выходит вновь невыносимо вкусно.
Он сладостью растекся по губам,
Она от счастья радостная очень.
Вот так впервые юная мадам
Попробовала Марс (такой батончик).

Руслан Левицкий
@poetlevitsky

Любовь – не картошка

«Нет, Аглая Львовна оказалась-таки права. 19-я капсула сработала криво. Но кто бы мог подумать, что в наше время оборудование, не до конца прошедшее техосмотр, можно спокойно выставить в общий ангар. Это Петрищева на них нет. В его бытность такое было просто невозможно. Охламоны чёртovy, распоясались. Ну ладно, надо как-то выбираться. Дверь вырвало с мясом, надо полагать? Ну, конечно, такой удар был. Нет, если я попаду домой, я точно напишу рапорт на имя Сквернюка, пусть разбирается. Давно пора половину поувольнять».

В дыру, недавно бывшую герметичной дверью машины времени, вдруг потянуло жареной картошкой. Игорь Семёнов, только что вдохновенно размышлявший о судьбах сослуживцев, работавших с ним бок о бок в Воложинском Институте Стратегических Общевременных Киберпространств (сокращенно ВИСОК), от удивления подскочил и больно ударился о приборную панель.

«Что это, черт поберет?.. Это Марс? Это же Марс, блин? Или эти тупицы и здесь напортачили? Нет, Марс, все верно. Вот, на панели указано. 7 апреля 2035 года, за три месяца до первой успешно завершённой пилотируемой высадки человека на Марс. Специально же так рассчитывали, чтобы попасть сюда именно в это время, все переиграть и присвоить себе лавры первопроходцев. А то Институту сильно урезали финансирование, зарплаты упали и вообще в Воложине стали поговаривать о ликвидации организации. Всё так. Я в своём уме. Да. Но картошка? Жареная картошка?!..»

Чертыхаясь, Семёнов осторожно выбрался из того, что осталось от машины времени.

Через покорёженное ударом стекло шлема было плохо видно, но то, что удалось рассмотреть, не оставляло сомнений: Семёнов находился в огромном, крытом брезентом, шатре. В нем была оборудована кухня. Кругом, за пределами шатра, насколько видел глаз, просматривался красный марсианский песок, но здесь, блин, была кухня! На плите покряхтывала сковородка, из-под крышки которой и тянулся этот знакомый до боли аромат. А возле шкафчиков сутился... Нет, этого не может быть... Древний американский актёр Мэтт Деймон, бывший очень популярным тогда, сто лет назад, в эпоху аудиовизуального кинематографа. Семёнов остолбенел.

«Почему я раньше не замечал, как он хорош? – лихорадочно думал он, пожирая звезду глазами. – Эта стать, мускулы... А взгляд! О боже! Я же... Кажется, я люблю его!»

Мэтт снял с плиты сковороду и повернулся к Семёнову.

– Картошку будешь? – подмигнув, спросил он.

– К чччёррту картошку! – зарычал семьянин, отец двоих детей Семёнов, бросаясь к Деймону и судорожно пытаясь стянуть с себя скафандр.

Мэтт улыбнулся, поставил сковороду на стол, взял Семёнова за руку и, на его глазах превращаясь в ординатора 3-го отделения Воложинской психоневрологической больницы В. А. Сквернюка, нежно произнёс:

– Аглая Львовна, кажись, переборщили вы на этот раз с кетамином. Вызывайте Петрищева, и пусть захватит галоперидол.

Екатерина Рафалюк-Бузовская
@katrusienka

Лав стори Марс

На календаре был май 2055 года. Игорь готовился покорить Марс. В рюкзаке лежали нанопирожки от Булыча, холодец в тубике и сухой пакет с горячительным. По его расчетам он прилетит на красную планету как раз в канун старого Нового года, через 8 месяцев и 13 дней. Может, взять с собой концентрат Оливье в пакетике? Только полезные ингредиенты и ни грамма жира – это допускается к перевозке. (В голове Игоря мелькнула смешная мысль: «Здесь могла бы быть ваша реклама»). Да и кто знает, может, придется задержаться на пару дней. Важное задание от редакции – интервью!

Цены на Марсе кусались. Игорь забросил в рюкзак еще пару снеков, низкокалорийные батончики и коктейль. Все от небезызвестной компании! Первопроходцев (такая у Игоря была фамилия, поэтому его всегда и везде посылали. Первым) присел на край тахты. В руке он крутил дребезжащий смартфон. Наверняка, Наташка... – не хочет, чтобы он улетал. Строчит в Телеге. Директ Инсты заполнен мимимишными картинками от нее же. Неужели не понимает? Такое ответственное задание! Первый журналист на Марсе! Не буду отвечать...

Игорь прилег. До выезда на космодром было полчаса. Мерные вибрации телефона его усыпили. За спиной легкий рюкзак. В руках охапка фиолетовых тюльпанов с атласной лентой. Цветы нежно и по-весеннему пахнут, на лице мечтательная улыбка. Наташа это любит. Его стальные широко открытые глаза, высокий лоб и сильные руки. «Мой Первопроходец!», – так она стала называть его со смехом, когда Игорь получил задание – лететь на Марс. И вот он топает по весенним лужам ей на встречу. Не полетел, остался. Ради нее! Сердце девушки застучало быстро-быстро от счастья. В носу зашекотало, и глаза наполнились слезами радости... Первопроходцев! Мой! Игорь вскочил с тахты. Чуть не проспал челнок! Телефон надрывался. Обычный домашний громкий телефон, оставленный в квартире как раритет. Это он разбудил Игоря. Парень спешно схватил трубку:

– Алло... Заснул, да... Не писал – собирал рюкзак.

В трубке ласковый взволнованный голос. Игорь засмеялся от счастья...

– Люблю тебя, милая Наташка! Жди с букетом! Спасибо, что раз-бу-ди-ла. Интервью Первопроходцев взял у космонавтов по Скайпу. Отличное, интересное получилось. Только это было после майских, на 8 месяцев раньше, чем его ждали в редакции.

ЛюШа

@lusha_write

Одиночество – жажда

Мы его представляли совсем не таким, как есть,
Он на самом деле не красный, а медно-бурый.
Для фантастов посадка – как будто благая весть,
Для меня – как отъявленная авантюра.
На Земле не узнают – билеты в один конец.
Я себя ощущаю последним из касты парий
Только бурый песок и безводных снегов венец
На вулкане Олимп – углекислый парламентарий.
И казалось бы – к черту тоску, живи да живи —
Только падая навзничь в присыпанный пылью кратер
Я не думал о смерти, ни, Господи, о любви
На табло засияло: ИСПОРЧЕН РЕГЕНЕРАТОР.
Мне не встать – сервопривод убит песком.
До сигнала тревоги не менее пары суток
И запуталась мысль за внезапно седым виском:
– Я погибну от жажды – не злейшая ли из шуток?
Сорок восемь часов. Мне мерещатся устья рек,
Переливы росы и тугие от сока стебли.
Хрусталем родника – мой божественный оберег
И сияние брызг на турнире командной гребли.
Девяносто часов. Я практически полутруп.
Я не помню, спасатели ли? Марсиане?
Только весь в паутине тончайших, прозрачных труб
Я лежу в неглубокой, как будто стеклянной ванне.
А вокруг – Святый Боже! – прозрачайшая вода!
Я не видел лица, но мне голос шепнул: – Не верьте,
Если скажут: «Любовь убивают твои года»,
Ведь любовь – это то, что спасает Тебя от смерти.
Я не знаю кем был мой таинственный визави
Но когда-нибудь точно я расскажу однажды:
Умиравший на Марсе без капли земной любви
Мне казалось, что я погибаю от смертной жажды.

Денис Андреев
@waukeenson

Самый на Марсе

– Знаешь ли ты, мой внимательный наблюдатель, я исполнил все свои мечты. На рассвете может быть, или на закате – сложно разобрать, я обрёл свою сущность, я стал самым особенным из своего рода. Я стал твоей загадкой, я стал твоим щекочущим чувством предвкушения открытия, я стал твоим лучшим сном, и я стал твоим худшим кошмаром. Ты будешь переживать за мое существование больше меня самого, и ты будешь жалеть о том, что сегодня заметил меня в свой телескоп. Извини меня за это.

И полупрозрачное творение рук человека продолжило свою исповедь:

– Я родился на берегу великого Ганга, на небольшой фабрике, – грязной, зловонной, без стёкол, с зеленой краской на стенах, изъеденной до бетона кислотами. Во мне смешан весь яд человечества, все ненужное, все необдуманное и совершенно опасное. И у меня были тысячи братьев-близнецов однодневок.

Нас порождали не ради пользы общества, а для уничтожения всего сущего. Эта односторонняя война вошла в историю нашего народа, как заговор Полиэтилена.

Стратегически мы расползались по планете, миллиардами пакетов клали свои жизни, лишая землю плодородия и животных, мы ловко захватили океан, и даже далекий сводный брат покорил Марианский желоб.

А моя жизнь началась иначе. Маленькая индийская девочка, с изумрудными, запавшими от недостатка пищи, глазами, подняла меня с земли. Торговец риса брезгливо отбросил меня накануне, на мою левую ручку не хватило шва сорокалетнего конвейера, и я не имел ценности для него, я был рожден бракованным.

Эти грязные ладошки на моих ручках были такими, такими тёплыми, такими волнительными. Девочка подбрасывала меня в воздух, позволяя надуваться во весь мой рост, а ее раскатистый смех и большие влажные глаза растопили мою полиэтиленовую душу. Я стал ее воздушной медузой.

Мы дружили целых 2 дня, и, оказалось, девочки очень часто уходят, оставляя нам мечты и горькое послевкусие разочарования.

Голос затих на мгновение, как будто вновь переживая эту драму, и продолжил:

– Я полюбил. И думаешь, я говорю об этой индианке? – он пакостливо рассмеялся. – О нет, я полюбил быть особенным! Быть Важным! Это чувство меня поглотило, жгло меня, гнало меня – я плыл, летел и полз чтобы испытать это хотя бы ещё раз.

Много лет прошло моих скитаний, я не стал отдавать свои 500 лет войне моих братьев, которая обезличивала саму жизнь.

Скукожившись в десятки раз, проникший в шаттл внутри умершей испытательной твари, без шва на левой ручке, я исполнил свою мечту – стал первой и единственной воздушной медузой на Марсе, самой удивительной находкой человечества!

*Елена Гребенчук
@peristerial*

Воспоминания

Пальцы дернулись, оставляя на песке Красной планеты глубокие борозды. В фокус единственного уцелевшего глаза попали обугленные ошметки искусственной кожи. Ветер беспощадно рвал и сдирал их с металлического скелета.

Зап... уск диагно... стики си... стем, – скрипуче прошуршало в голове. Мир потух.

Повреждения составляют 79,7%. Возможность передвижения отсутствует. Блок памяти поврежден на 17%. Задача: защита данных...

Автоматический запуск систем. Проверка блока памяти...

Детская комната, огромная, как футбольное поле, заваленная игрушками и всем тем, отчего глаза любого обычного ребенка, наполнились бы восторгом и счастьем. Я осмотрелся, но не нашел никого живого. Включил тепловое зрение. Шкаф. Маленький детский шкаф в углу комнаты. Дверца чуть приоткрылась. На меня с недоверием, настороженностью и любопытством смотрел чей-то глаз. Фиолетовый, как небо Кифи.

– Здравствуйте, господин, – поклонился я. – Я – СИ-17, ваш робот-андроид. У меня есть подарок для Вас.

Мальчик перевел взгляд на мою протянутую руку и зажатый в ней кубик Рубика.

– Нужно сделать так, чтобы каждая из его сторон была своего цвета, – сказал я, проворачивая одну из граней, чтобы показать принцип действия. В глазах мальчика промелькнул интерес. Дверца шкафа открылась...

Раса кифи мало чем отличалась внешне от земной. Если бы не глаза...

Мальчик выхватил из моей руки кубик и стал быстро проворачивать грани. Не беспорядочно, а в безошибочно верном алгоритме.

– 17,6 секунд, – проговорил я, принимая собранную головоломку из маленьких рук.

– Это было интересно, – сказал мальчик. Любопытство в его глазах потухало, сменяясь привычной скукой.

– Хотите во что-нибудь поиграть?

– А на Земле есть интересные игры? – спросил шестилетний малыш, бросив презрительно-разочарованный взгляд на разбросанные на полу игрушки.

– Шахматы, бадук...

– Я проиграл, – шокировано произнес мальчик, изучая огромными от удивления глазами фигуры на шахматной доске.

– Вас это расстраивает?

– Нет. Это... – фиолетовые глаза загорелись какой-то невообразимой жадой. – Это очень интересно!

Кластер 4. Незначительные внешние повреждения. Данные не повреждены. Воспроизведение.

– Господин Зерер...

В комнату с поклоном вошел высокий мужчина. Фиолетовые глаза, темно-русые коротко стриженные волосы, черный китель. База данных послушно подсказала имя – Гарзар Таред, один из помощников главы Союза. Следом за ним вошел... Андроид... Я даже не сразу понял, что это не кифи... Их уровень технологий явно выше земного...

– Это А-200. Его сделали специально для Вас. СИ-17, которого вы привезли с Земли, сильно устарел и не соответствует требованиям безо...

– Прочь! – зло закричал Зерер, встряхнув белокурой копной волос. – Не смейте трогать Си! Это приказ!

– Как Вам будет угодно, господин.

Гарзар поклонился и покинул комнату вместе с андроидом.

– Господин... – тихо проговорил я. – Тот андроид был гораздо лучше меня. Я и раньше сильно уступал технологиям Кифи. А за эти 4 года...

– Глупости! Я напишу для тебя много новых программ!

Кластер 7. Данные повреждены. Проверка и восстановление.

Идеально прямая спина, белоснежная макушка. Пальцы быстро бегают по клавиатуре.

– Вам нужно отдохнуть, господин Зерер. Вы работаете уже десять часов без отдыха и приема пищи. Вы заболеете, – проговорил я.

– Я почти дописал программу, Си. Осталось немного. Ты теперь даже космолетами нового поколения сможешь управлять!

– Это подождет...

– Нет...

Я быстро перебрал записи базы данных, запустил файл. Зерер замер, вслушиваясь в музыку с Земли. На Кифи музыка была другой. В ней неуловимо не хватало чего-то...

Зерер обернулся, потом удивленно моргнул.

– Что... что ты делаешь? Ты... танцуешь?

Во мне не было заложено таких программ, но я помнил, как танцевала Акихира.

– Что... Что это? Ахахаха, – засмеялся Зерер. – Великое Небо Кифи! Ничего смешнее в жизни не видел!

– А я первый раз за 7 лет вижу, как вы смеетесь, господин...

Кластер 45. Данные сильно повреждены. Пересохранить на уцелевшие кластеры и воспроизвести.

– Нет! Не смей! Си! Это приказ! Не смей! Си! Си! – закричал Зерер, захлебываясь слезами. Я вжал его в сиденье спасательного челнока одной рукой, второй застегнул ремни безопасности, подсоединился к компьютеру. Позади меня что-то взорвалось, изрыгая пламя, заполняя отсек ангара космолета едким дымом, заглушая крики пятнадцатилетнего мальчишки со слипшимися от крови волосами.

– Запрет ручного управления, – проговорил я, программируя челнок. – Курс на Кифи. Космодром Ларз-12. Герметизация, – резко отдергиваю руку. Люк закрывается. Зерер колотит кулаками по стеклу, что-то отчаянно кричит.

Я смотрю на него ровно три секунды...

Помехи.

Изображение рвется, превращаясь в черно-белые блики...

Я ведь запустил челнок?

Все ресурсы системы на восстановление данных.

Это может привести к полной разрядке блока питания.

Не имеет значения. Запуск.

Команда космолета «Валькирия» рассматривала останки древнего андроида, которого только что доставили с поверхности Марса поисковые роботы.

– И зачем вам это ископаемое, капитан? – удивленно спросил Виктор, ероша давно не стриженую копну темно-русых волос. – Этот металлолом ни на что не годен. Блок питания

полностью разряжен. Хотя, думаю, что смогу запустить эту железяку. Данные почти не повреждены.

– Этот робот... Он очень важен для меня, – необычно тихо произнес капитан. Виктор удивленно скосил взгляд на Зерера. В ядовито-фиолетовых глазах застыла какая-то застарелая грусть.

– Это тот самый? – спросила невысокая рыжеволосая девушка, протискиваясь через толпу коллег. – Я слышала, что двадцать лет назад фаниды напали на корабль Союза. И робот-андроид с Земли спас члена королевской семьи Кифи.

– И откуда ты все это знаешь, Аска? – шепнул Виктор.

– Я все знаю о капитане! – фыркнула девушка, гордо вздернув хорошенький носик.

– Да, он спас мне жизнь, – ответил капитан.

– Ну, так тут ничего необычного. Во всех роботах установлена программа...

– Я ее удалил, – сказал Зерер.

– Что? – удивленно моргнул Виктор. – Странно... Без этой программы... Я даже не знаю, какой алгоритм действий заставил андроида принять такое решение.

– Может быть, дело не алгоритме... Ты никогда не замечал, что земляне во все, что делают, вкладывают частицу души? – едва заметно улыбнулся Зерер. – Запусти проверку.

Запущена проверка блока памяти. Сканирование кластера 1.

– С пробуждением, Си! – проговорила, улыбаясь, невысокая девушка с короткими черными волосами и глазами цвета шоколада. – Я Акихира Тено – один из твоих создателей. Ты вовремя, еще успеешь увидеть рассвет!

Девушка нажала кнопку пульта. Часть стены медленно отползла в сторону, открывая вид на безмятежный океан и восходящее из его глубин солнце.

– Красиво, правда? Ты никогда не увидишь точно такого же рассвета, как сегодня. Потому что каждый день и каждый рассвет не похож на другой. Там, за окном, удивительный и прекрасный мир, Си... Тебе обязательно понравится!

Юлия Леонова

@yulia_strannik

Три желудя для Маргариты

Маргарита помнила, как в последний раз обнимала дерево. Им был коренастый дуб двух метров в диаметре, что рос у них во дворе на даче на Земле. Она помнила, как гладила шершавую теплую кору, перебирала пальцами гладкие листья, а потом собирала в траве крепкие коричневые желуди. Когда она обнимала дерево, она чувствовала, как наполняется спокойствием и соединяется с чем-то большим и важным. Она закрывала глаза и отключалась от внешнего мира, улетаая сознанием в темный мир с золотыми звездочками.

Перед отправлением на Марс она положила в криокапсулу несколько желудей, чтобы посадить их на новой родине. Первый желудь она высадила, когда только начала работать в зоне парка под куполом. Она поливала его, удобряла, но он так и не пророс.

К высадке второго она подготовилась лучше – изучала информацию, советовалась с коллегами, сделала работу над ошибками, но что-то опять пошло не так.

В криокапсуле оставалось три желудя. Она так мечтала вырастить молодые дубки, но похоже почва Марса, пусть и подвергнутая обработке, была для них неблагоприятна.

Вечером она сидела под куполом и смотрела на звездное небо. Рядом в зоне парка искусственный ветерок шелестел в кустах роз. Это было одно из немногих растений, которое здесь прижилось.

На следующий день ей неожиданно пришла идея. Это было не совсем законно, но у Маргариты было мало времени. Ведь деревья растут так долго, а она хочет увидеть лес при жизни.

– Марк, я не знаю, что делать. Это последние частички живой земли, которые у меня есть. Я боюсь их потерять.

– К чему ты клонишь, Марго?

– Мне нужен твой электронный ключ от лаборатории, чтобы попасть туда ночью. Не спрашивай, зачем, просто будь другом.

– Ах, ты шантажистка, – сказал он, протягивая карточку.

После отбоя Марго помчалась в лабораторию. В каждый из трех желудей она имплементировала кусочки чужих ДНК. Когда процедура была закончена, она пошла в парк и в самом центре, вдали от исхоженных тропинок, посадила свои желуди.

Несколько недель ничего не происходило, хотя Маргарита старалась, как могла – поливала, удобряла землю, и даже молилась. А однажды, солнечным марсианским утром из почвы показалось три ростка.

На вид они были совершенно обычными дубками – пахли майскими листиками и молодой корой. Деревца росли и крепили с каждым годом. Марго рассказала коллегам о своем проступке и продемонстрировала три юных дерева. Ее поругали для вида, но отметили как изобретателя новой технологии адаптации растений к почвам бурой планеты. Прошло пятнадцать лет. Дубы росли очень быстро и стремительно толстели. Их кроны создавали необъятный зеленый навес. Однако они не плодоносили и за все годы не дали ни одного желудя. Это печалило Марго.

В то утро она как обычно пришла посидеть на скамейке под сенью дубов, но когда она подошла к ним достаточно близко, то ахнула. Кроны великанов были покрыты розами – желтыми, белыми и любимыми бордовыми, а в центре каждой розы был виден маленький коричневый желудь.

Мария Чайкина
@mchaykina

ЗАДАНИЕ 2. ОВОЩ ИЛИ ФРУКТ

Монолог авокадо

Жизнь – странная штука. Никогда не знаешь, что ждёт тебя завтра. Это я вам как авокадо говорю!

Я должен был стать деревом. Или провалиться на свалке до полного разложения. Но я сегодня отмечаю свое семидесятилетие и повторяюсь: жизнь – весьма странная штука.

Я вырос в Мексике. Чудное было время – много солнца, большая родня. Конечно, я знал, что рано или поздно меня заберут, как забрали болтливую тетушку Бениту и кузена Матео. Но зачем и куда? В наших краях верят, что это очередной этап перевоплощения. Что где-то там каждый из нас проходит обряд очищения, избавляется от всего лишнего и в итоге трансформируется в большую мистическую птицу Юсбайо. Пфф... а как же!

Меня забрали на рассвете, когда все спали. Так даже лучше – я не любитель напутствий и слезных прощаний. Нас долго взвешивали, упаковывали, перекладывали картоном... В ящике, в котором нас везли в Голландию, был один парень, Франциско, он всю дорогу твердил, что мы избранные. Мол, не зря люди так тщательно нас отбирали!

Помню наш гигантский супермаркет. Люди говорили о каких-то незнакомых вещах и периодически шупали нас, слегка сдавливая пальцами. Вот это было так себе, но в общем – жир. Много света, вокруг – сплошная экзотика. Помню, как я испугался карамболя и какой противный рядом с нами жил виноград! Каждый раз, когда его брали в руки, он терял пару виноградин и так возмущался, что начинал просто рассыпаться на части!

Момент, когда пришла ОНА и забрала меня к себе я, признаться, проспал... Проснулся уже в её квартире, где сильно пахло красками и растворителем. Лив была типичной голландкой. Я увидел ее впервые, когда она стояла у окна и солнце просачивалось сквозь ее белые волосы. В тот вечер я позировал ей для натюрморта.

Вы, конечно же, ждете рассказа о том, как девушка моей мечты хладнокровно разрежет меня на две части? Ну, было, да. Только не подумайте, что после этого я умер, что вы. Мякоть, кожа – это только оболочка. Косточка – вот где живет душа! Я просто стал немного легче и поначалу жутко смущался. Ей-богу, будто голый!

Лив имела странную привычку – задумавшись, вертеть какую-нибудь вещь в руках. На какой-то период я стал именно такой мелочью. И был не против, только ужасно злился, когда она забывала меня в кармане пиджака. Там было темно и неприятно царапали ключи от квартиры. Но именно в её карманах я умудрился посетить Альпы и Францию. А в Париже... В Париже к ней пришла сумасшедшая идея – вырезать из меня свою первую брошь.

Я злился – это была не очень приятная процедура! Но чуть позже понял – это мой шанс! Единственный шанс был всё время с ней рядом. Я посещал с ней выставки и французские пекарни. Я был почти на всех ее свиданиях – Лив считала, что я приношу удачу. Я был с ней, когда она забросила живопись и увлеклась резьбой – её украшения из косточек имели бешеную популярность! А потом появился ОН. Ее будущий муж.

Никогда не любил этого типа. Не мог простить ему то, что он задаривал ее декоративными брошками. Не мог простить ей, что она их носила, пряча меня в жестянку из-под чая. Однажды я пролежал там 4 года, а когда меня достали, обнаружил, что они женаты, живут в Брисселе, завели кота и ребенка.

Меня доставали всё реже – теперь Лив носила только белое золото. Никаких нелепых винтажных брошей. Да, я был ужасно зол!!! Но готов был жить в чайной коробке десятки лет, только бы знать, что где-то там есть она и слышать иногда её голос. И я ждал. Ждал 54 года.

Лив надела меня на Рождество, в концертхолл, где её внук впервые выступал с оркестром. А на следующий день её не стало. Я помню это утро – я лежал на комоде и любовался ее высокими скулами. Я ждал, когда она проснется и пойдёт варить себе кофе. А она всё не просыпалась. Даже когда село солнце, и я перестал ее видеть в темноте. Даже когда пришел Тим – тот самый внук, что играл с оркестром. Но к тому времени я уже всё понял...

Многие личные вещи всемирно известного дизайнера Лив де Йонг ушли с благотворительного аукциона. Меня выкупили вчера.

Какой-то пожилой мужчина в длинном черном пальто сказал своему спутнику, даже не взглянув на меня: «Отправь по этому адресу сегодня же, Крис. Я хочу, чтобы она получила это как можно быстрее.»

Куда я еду сейчас? Кто меня там ждёт? И ждёт ли?

Я должен был стать деревом. Или провалиться на свалке до полного разложения. Но сегодня я отмечаю свое семидесятилетие и повторяюсь: жизнь – весьма странная штука. Никогда не знаешь, что ждёт тебя завтра!

Ирина Рязина-Кравченко
@irk_illustrator

Рай внутри тебя

На прилавке засуетились.

– Вау, какие красотки сюда идут! Юююхууу! Сочные, как манго!

Дуриан пребывал в прекрасном расположении духа.

– А ты-то чего радуешься? – сощурился Ананас. – Третий день лежишь, никто на тебя не смотрит.

– Вот-вот! – захихикали Личи. – Уж скорее нас заберут, чем тебя.

– Цыц, малявки! – вспыхнул Дуриан и умолк, потому что девушки подошли именно к нему.

Обе симпатичные, но невысокая скромная брюнетка явно проигрывала своей подруге и смотрелась на её фоне бледновато. Блондинка была яркой, даже чересчур! Аппетитные выпуклости со всех сторон, губы в пол-лица и ресницы – просто загляденье (даже Рамбутан тихо позавидовал их длине). Дуриан напрягся от волнения, когда она решила взглянуть поближе на него. «Да, детка, возьми меня, не пожалеешь!» – он даже занервничал от предвкушения такого замечательного знакомства.

Но лицо блондинки вдруг странно скукожилось:

– Фууу! Ты собралась брать ЭТО? Он же воняет тухлятиной!

Дуриан задохнулся от возмущения, весь романтический настрой мгновенно испарился. «А ты... А у тебя... Мозги силиконовые! Пффф!»

– Говорят, он внутри очень вкусный, – возразила тёмненькая.

– У меня нет никакого желания пробовать эту гадость!

– А я всё-таки возьму.

«Белобрысая коза! Не очень-то и хотелось мне с тобой идти!», – Дуриан очень разозлился, но его уже положили в пакет.

Личи вздохнули. Ананас с завистью посмотрел им вслед.

– Женька, я тебе удивляюсь, – блондинка манерно растягивала слова. – Вроде в столицу перебралась, а в голове как было село, так и осталось.

– Почему ты так говоришь, Натусь?

– Ну, нет в тебе достоинства, что ли, – девушка поджала пухлые губки. – Как дикарка – ешь всё подряд, по сторонам постоянно глазеешь.

– Так интересно же, я первый раз в Таиланде.

Они зашли в номер отеля.

– Эту вонючку неси на террасу, – брезгливо поморщилась Натуся, – её нельзя здесь держать!

– Я знаю.

Дуриан, по дороге придремавший, очнулся. «Слышишь, краля, – негодовал он, – ты себя в зеркало видела? У павлина под хвостом – и то симпатичнее будет!».

– О, глянь-ка, вон твоя страхолюдина бассейн чистит, – вдруг усмехнулась Натуся.

Этого мужчину они видели несколько раз. Он помог им с чемоданами, когда они приехали. Принёс таблетки, когда у Натуси болела голова, и каждый день ставил в вазу свежие цветы. С ним что-то было не так – лицо изуродовано, руки тоже. Но всякий раз, когда он улыбался, Женя отчего-то смущалась.

– По-моему, он милый.

– А по-моему, он просто урод и неудачник. Я иду гулять, ты как?

Женька отрицательно покачала головой.

«Да вали уже, мышь белая!», – Дуриану порядком надоела эта чопорная девица.

– Ну, ладно! Сиди тут, тухни со своим дуремаром и строй глазки прислуге.

В дверях Натуся столкнулась с чернокожей горничной.

– Я принесла чистое бельё, – сказала женщина.

Девушка закатила глаза, пробормотала что-то типа: «Повсюду фрики», махнула рукой на Женьку и исчезла.

Горничная размерами напоминала дирижабль, но двигалась довольно грациозно. Она буквально вплыла в номер и принялась ловко менять постель.

– Как вам у нас? – с улыбкой спросила она.

– Очень нравится! – заверила Женька. – Тепло, интересно, весело.

Она замялась. Удобно ли будет спросить у горничной про того мужчину?

– Извините, а вы его знаете? – осмелилась Женька, кивнула в сторону чистильщика, и тут же отвела глаза в сторону.

– О, конечно, знаю. Это Сунан. Хороший человек! Вы не смотрите, что он такой... некрасивый. Это всё пожар.

– Ого... А что произошло?

– Это давно было, лет десять назад.

«Ну-ка, ну-ка, люблю всякие истории!», – Дуриан наострил колючки. Он, хоть и лежал на столе, стоящем на террасе, но слышал всё отлично.

– На месте этот отель был совсем другой. Старый, ветхий. Всё шатался здесь. Хозяин ругался и хотел его сносить, – женщина эмоционально жестикулировала. – Но не успел. Случился пожар. Это ужас, страх! Всё горело! Хорошо, что выскочили. Одну женщину вынес пожарный. Она очнулась и как закричит: «Дочка, дочка!». В номере осталась её девочка. А пожарный говорит: «Нет, нельзя, поздно, нельзя туда пойти!». И тогда Сунан сказал: «Я пойду. Если она погибнет, то и мне не жить!». Прямо в огонь пошёл... Горничная села на краешек кровати и перевела дух от долгого рассказа.

– Он спас девочку? – с замиранием сердца спросила Женька.

Дуриан тоже разволновался, даже взмок.

– Да-да! – закивала та. – Завернул в большое одеяло и вынес. Только сам обгорел. Сильно-пресильно. Отдал девочку и прямо упал на траву. Довольно долго в больнице лежал, вылечили. Только вот рубцы эти остались на нём... Он хороший, добрый человек, а из-за лица его все боятся.

– Я не боюсь, – твёрдо сказала Женька. – Он мне нравится.

Она поняла, что ляпнула лишнее, и щёки её полыхнули алым цветом.

Горничная заулыбалась.

– А он говорил про вас. Что вы красивая.

– Это он, наверное, про Нату, мою подругу. Она и правда, красивая.

– Поверьте мне, хозяин знает толк в истинной красоте. Говорил он именно о вас!

– Хозяин? – удивилась Женька.

«Вот это поворот», – присвистнул Дуриан.

– Ой, я не сказала? – всплеснула руками горничная. – Это же его отель. Построил вместо сгоревшего.

– А почему же он делает простую работу?

«Да, какого чёрта он не сидит в кресле с сигарой, наслаждаясь закатами? Был бы я хозяином, поступал бы именно так», – размышлял Дуриан.

– Такой уж он человек, – засмеялась женщина, – никогда без дела не сидит. Ой, я совсем заболталась, а у меня полно работы.

Женька вышла на террасу, увидела Сунана и помахала ему рукой.

«Так-так-так, что-то происходит, обожаю такие вещи!».

Мужчина подошёл.

– Вы не могли бы... – запинаясь и краснея, сказала Женька, – помочь мне почистить этот фрукт?

«О, да, бейби! Почисти меня полностью!» – Дуриан мысленно подмигнул ей.
– Конечно! – Сунан широко улыбнулся. – Знаете, что говорят про дуриан?
Женя смущённо пожала плечами.
– Этот фрукт – ад снаружи и рай внутри. За его непритязательной
оболочкой и странным запахом скрывается поистине божественный вкус. Понимаете?

Женя всё понимала. Сунан почистил Дуриан, отломил часть мякоти и поднёс его ко рту девушки. Она аккуратно откусила.

«Воу-воу, полегче парень, она уже почти твоя! Ммм, как же я люблю все эти чувства, робкие взгляды, затаившееся дыхание... Просто сказка!». Дуриан таял от восторга. Закончить свой путь в минуту, когда рождается настоящая любовь – наивысшее счастье для любого уважающего себя фрукта.

Марина Дирёмова
@mari_nnnn1

Предел

Ну и стерва же ты всё-таки! Мне, конечно, говорили, что вы все такие. Я – дурак, не верил! Я же всё для тебя делал! Когда твой сын пришел из школы и попросил луковых колечек – пожалуйста. Когда заболел отец и нужно было биться с микробами – пожалуйста. Когда ты перед соревнованиями своими, решила, что пора поднять иммунитет – пожалуйста. Я ничего не говорил.

Я молчал. Ты отрезала от меня кусок за куском. Слои за слоями. А я молчал. Всё для тебя, бессердечная ты сука. Ты даже не представляешь, что я вытерпел. Через что прошел. Но что запомнила ты? То, что я довел тебя до слёз? Заставил тебя всплакнуть? Это повод швырнуть мои остатки на подоконник и забыть про меня? Эх...

А теперь посмотрите на неё. Принесла большой и крепкий. Зеленый, полосаты и сладкий внутри. Натирала его с мылом. Вытирает вафельным полотенцем. Прямо у меня на глазах. С ним тебе будет лучше. Он не заставит тебя обронить твои хрустальные капли. Он лучше меня во всём. С ним тебе будет веселее, да? Глюкоза. Эндорфины. Счастье, то есть. Меня то ты ласкать и не думала. Принесла. Отложила. Стала резать. Когда пришлось. Когда понадобилось.

Ну нет! Я это так не оставлю! Я был за тебя всем нутром. Каждой клеткой. Теперь – с меня довольно. Пора платить по счетам! Я собрал всю злость. На пределе поджал каждый свой поморщенный на солнце слой. Прыснул соком в глаз сонного Пушки, лежащего неподалеку. Кот подпрыгнул и взвизгнул. Передние лапы опрокинули зеленый шар на пол. Он с хрустом разлетелся на десятки антиаппетитных кусков. Ха-ха! Что ты скажешь теперь? Теперь он тоже заставит тебя плакать?

Пушок не унимался. Метался по столу. Он мог бы быть хорошим футболистом. В другой жизни. А пока, он отправил меня задней лапой прямиком в окно. Пятый этаж. Четвертый. Первый. Я упал, откатился под куст. В тень. Наконец, солнце больше не жарит меня. Не терзает остатки меня. Как она там без меня? Наверно расстроится. Может даже будет скучать. Ну что ж! Пусть научится ценить других. Тех – кто для неё готов на всё, пусть даже заставляя плакать! Не тот хорош, кто сладок и красив! А тот хорош, кто для тебя и в кольца, и в бульон.

Александр Гусев
@writer_gus

Репа

Маме – солистке оперной труппы – жить Збруйской было положено по статусу. Классическое каре, аристократичные пальцы, безупречная осанка и восхитительное меццо-сопрано. Такое, от которого у публики бежали слезы и тёплые мурашки.

Мы же с отцом – слесарем автомастерской – сутулые, рыжие, усыпанные веснушками, с щербинкой между зубами, по праву и в угоду жизненному равновесию были Репами. Репой. Короче, носили фамилию Репа.

Прежде чем не взять фамилию мужа, мать, конечно, изучила её происхождение. В минуты моего отчаяния она объясняла, откуда взялось это проклятие, и что отцовские прапрапредки не выращивали репу, а частенько «репати». То есть лопались от гнева, были вспыльчивыми. Вот прозвище и приклеилось. Чуть-чуть сократилось, и родилась самая мерзкая фамилия на свете, а потом и я.

Женя Репа.

Спорим, вы так и не догадались, какого я пола? Щербатая девчонка или сутулый паренёк? То-то. Ясное дело, это только полбеда. Остальная половина – 89-я среднеобразовательная школа Николаевского района. Я – Репа, и этим всё сказано. Я, конечно, с головой, и провернуть трюк с курткой в подсобке, чтобы миновать раздевалку, мне было раз плюнуть. На физкультуре хватало липовой записки от родителей. А через пару месяцев и вовсе наступало лето. Папа вёз наше контрастное семейство на родину, в небольшой хуторок повидать сухонькую маленькую упрямую старушку – мою бабушку, так и не смилившуюся с отцовским отъездом и женитьбой на матери. Поэтому о своей ненависти к треклятому овощу можно было ненадолго забыть.

Отцовский родной дом стоял у самой кромки реки, огороженной заросшим тиной забором. Накатанная телегой дорога вела к выбеленной хате под шапкой соломенной крыши, а через тропинку – к полю, куда меня отправили известить о нашем приезде бабушку.

– Вот, поддержи покамест. Любишь, её? Репу – то? – разогнувшись от поля, бабушка выпрямила идеально ровную спину, не тронутую годами, и посмотрела мне прямо в глаза.

Репа Мария Добролюбовна была и хоть и рыжей маленькой старушкой, но крепкой, уверенной и судя по всему проницательной. Завидев моё отвращение, она продолжала.

– Я девчоночкой была, когда немец пошёл. За тем вон сараем, видишь? Спряталась и смотрела, как они мать с сестрой вывели из избы, и прямо тут... забили. Как скот какой. Прикладами. Доолго били. Мать умирала, а в мою сторону смотреть не смела. Боялась – найдут. Тут-то я два дня и хоронилась, пока живот с голоду крутить не начало. Вот – она бросила первый серый клубень в ведро – вот чем спасалась. Жевала, как есть, водой из лужи запивала. Это ж осенью только меня партизаны с собой забрали. А до того... ииить... – она обвела рукой поле – вот она и растёт тут, родная. Пошли что ль.

Плестись за бабушкой с поля, стараясь не расплескать слезы, было страшно тяжело. Как ведро воды, которое мы потом вместе таскали из колодца. Как кашу в чугунке на ухвате. Как огромную любовь в сердце к самому невзрачному из овощей. Как гордость за своё имя, которую несёшь через всю жизнь.

Татьяна Кадулина
@grafomat

Танго бесконечности

Никто не рождается совершенным. Мы приходим в этот мир одной из двух половинок единого целого. Наверное, это – испытание Вселенной. Пока наше сердце заполнится, приходится пройти долгую, часто утомительную, порой опасную, дорогу.

Никогда ни стоит сдаваться, так как в конце пути ждет единственная, которая сделает твоё существо совершенным. Даже одно малейшее сомнение может стать причиной исчезнувшего счастья и бесконечного хаоса между парами. А неверно соединенные две разные половинки вызовут цепную реакцию, вместо совершенного существа превратит нас в обрывки уродливых душ.

Ветерок нежно играл над полем с только что проросшей кукурузой. Солнце ласкало наклонившиеся к нему, словно загрузившие, побеги. Вот уже целую вечность ждет-ждет ту единственную, которая слово «Я» заменит словом «МЫ». Содрогнулась земля. Время остановило свой ход... биение сердца сравнилось с секундой.. Та долгожданная проснулась, нежным движением стряхнула с листьев комки высохшей земли... Приблизилась, смущенно обвила руками, но поняв, что больше не в силах отпустить, всем существом прижала к сердцу. Так началось их танго бесконечности.

Шло время. Два сросшихся тела становились все прекраснее, цвели и тянулись к горячему солнцу. Каждое утро, начинавшееся пения птиц, они открывали глаза и с любовью смотрели друг на друга. Наслаждались водой, дарованной им землей. Затем обращали свой взор к только что поднявшемуся солнцу и ласкались в его тепле. Непогода их еще больше сближала, они, опираясь друг о друга, согревали и подбадривали друг друга ласковыми словами. И даже сильный ветер казался им легким дуновением.

Шел день за днем. Их любовь крепла все больше и больше. И вот появился плод, сделавший их жизнь еще более яркой и цветной. Теперь каждое утро первый глоток воды делили с ним, а в дождь и холод покрывали его своими листьями. Так, в ласке и заботе зрел плод их любви. Любовь не подвластна времени, но оно для всех ограничено... Вот и их время истекало и стал виден конец пути.

Сухими отростками они все сильнее прижимались друг к другу. Страх смерти? Отнюдь. В их сердцах была только счастливая гордость, что смогли прожить такую полную жизнь и теперь уступают это место своему плоду. Гордость, что оставили семена жизни, которые скоро набухнут, прорастут, найдут свою половинку и познают силу вечной любви.

В один прекрасный день семья фермера собирала урожай. Дети, держа в руках корзинки, весело бежали впереди и собирали обвитую по кукурузу фасоль, позади шли их родители, срезая серпами кукурузные стебли. Они, любя, улыбались друг другу и с гордостью, радовались хорошему урожаю. Мир – бесконечная цепь, кованная любовью.

Нугзар Инджия
@nugo_var_injia

Волшебное яблочко

Металлический стук засова о крыльцо, бряцанье связки ключей и скрип давно несмазанных дверных петель оповестили всех о начале нового дня.

Шаркающей походкой баба Валя прошла через торговый зал с молочкой и сыром, тихо ворча под нос: «Всю гниль перебрать в овощном отделе надо».

На прошлой неделе завезли яблоки. Они были красные и очень крупные, таких никогда не было в этом магазине. Яблоки быстро раскупались, они были вкусные и сочные, гнилых среди них совсем не было.

Упершись лбом в решетку, на больничном окне тоскливо смотрела вдаль на дорогу маленькая девочка. Она уже давно лежит здесь одна, и никто к ней не приходит.

Тем временем среди фруктов начался спор.

«Наверное, это волшебные яблоки – сказала груша, – Ведь так не бывает! Посмотрите, меня привезли неделю назад из деревни и у меня уже начал бочок темнеть, а они приехали из-за моря, там какая-то деревня зеландовка есть, и вот там яблоки волшебные растут и совсем не гниют».

«Да, посмотрите, как быстро их раскупили, а это вон одно осталось, и никто второй день его не берет, сгниет и оно скоро. Вот мы тут лежим вторую неделю, уже и гнием, – пищали противным голосом мелкие ранетки, – а если не сгниет, то точно оно заколдованное».

«А может оно волшебное? – проговорили вишенки. – Может оно для кого-то, кто его сильно ждет?». «Ой, не смешите, вишни! Кому оно одно нужно? Все всё покупают килограммами!» – ехидно заметили сливы. «Ну, конечно, вас по одной никто покупать не будет», – заржал апельсин, – Если б мне не сказали, что вы сливы, я б подумал, что виноградинки!!! Ахааа... мелочь пузатая».

Все фрукты дружно начали смеяться и, катаясь от смеха, бились бочками друг о дружку. У некоторых лопалась кожица и они начинали истекать соком. А яблочко лежало одно и грустило. «Всех подружек продали, когда же меня заберут отсюда? Так было приятно расти под солнцем теплой страны, путешествовать в трюме корабля и даже ехать в машине в этот магазин. Но вот сейчас уже неделя прошла, а я все еще не встретила добрые ручки и мне никто не улыбнулся и не вдохнул моего аромата».

Внезапно в овощной отдел влетел прохладный ветерок и быстро пробежался по ящичкам с фруктами, будто проверяя ассортимент. К прилавку подошел молодой мужчина в форме капитана дальнего плавания.

– Баба Валя, Юлька болеет. В больницу попала с желтухой, лежит в другом поселке, одна уже три недели. Я вот с рейса вернулся, хочу дочке яблочек отвезти. Попросила очень вкусное и красивое. Говорит, съем его и выпишут меня домой, – улыбнулся мужчина.

– Так есть у меня такое, наверное, тебя и ждет лежит. Вот смотри какое красивое и вкусное!

– Папка! Папка приехал! – я неслась по коридору больницы. Вдруг подлетела к потолку и залилась смехом.

– Привет, родная, а я тебе яблочко привез, держи!

– Ой, какое красивое и точно волшебное? Пап, я его съем, и меня точно выпишут домой!! Да?

– Вы знаете, Юлю можно забрать домой. Еще недельку дома посидишь и в школу пойдешь, стрекоза, – сказал седой доктор, улыбаясь в усы.

Автобус ехал по кочкам, все пассажиры держались за поручни и только одна девочка крепко держала в руках румяное, крупное яблоко.

– Ты чего не ешь яблочко? – спросил отец.

– Пап, оно волшебное, меня ведь выписали. – прошептала дочка, нежно поглаживая румяный бок яблочка и вдохнув его нежный аромат, зажмурилась.

А яблочко млело от удовольствия и совсем не грустило.

Через год на даче Юлька и папа высадили маленькую яблоньку.

Ю. Михоношина

@j.a.m_one

Земляничное лето

Ее разбудил Дождь.

Он постучал по крыше, просясь войти, и Земляника отодвинула пару листьев, чтобы другу было удобней заглянуть к ней в дом.

«Ты снова прячешься».

Земляника не стала спорить.

«Я люблю темноту. И тебя».

Дождь улыбнулся и умыл Ягодку. Ее бока были бледно-зелеными, без единого красного пятнышка. Капли мурлыкали что-то о грядущей встрече.

«Скоро все изменится».

«Какая же ты глупая! Сидишь тут в сырости, будто корешок какой. Сама не понимаешь, что теряешь!»

Сестры прихорашивались, раскачивались на ветках, подталкивали друг друга. Торопились туда, в Снаружу. Что там может быть хорошего? Свет, слепящий и вездесущий, пугал Земляничку. Там не было тишины. И покоя тоже не было. А эта краснота на щеках сестер? Из отлучек они возвращались, не переставая хихикать и хвастаться, кто сегодня загорел сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.